

Неонилла Самухина

Это было в войну...

Неонилла Самухина
Это было в войну...

«Институт соитологии (ИС)»

2015

Самухина Н.

Это было в войну... / Н. Самухина — «Институт соитологии (ИС)»,
2015

ISBN 978-5-457-77283-0

Новый рассказ петербургской писательницы Неониллы Самухиной «Это было в войну...», посвящен 70#летию Великой Победы и написан на основе реальных событий, произошедших в годы Великой Отечественной войны с ее родными. Главной героиней рассказа является пожилая женщина, которая не воевала на фронте, не служила в партизанском отряде, не работала на заводе в тылу, но совершила свой, неприметный со стороны, высший женский подвиг – сберегла жизнь внучки, не дав пресечься череде следующих поколений ее потомков. Весь гонорар от данного рассказа автор перечисляет на лечение детей, пострадавших в военных конфликтах.

ISBN 978-5-457-77283-0

© Самухина Н., 2015
© Институт соитологии (ИС), 2015

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

11

Неонилла Самухина

Это было в войну...

© ИНСТИТУТ СОИТОЛОГИИ, 2015

* * *

К 70-летию Великой Победы

*Памяти прабабушки, бабушки и мамы
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

Среди жуткого скрежета, стонов раненых и криков бегущих по проходу людей, Неонилла подхватила внучку на руки, схватила чемодан с вещами и кинулась к выходу из накренившегося вагона. В тамбуре, спустив внучку на пол, она спрыгнула с подножки на щебенку между черными замазученными шпалами, потом снова схватив девочку и чемодан, побежала под откос – к полю, по левой кромке которого тянулась лесозащитная полоса из тополей и кустов боярышника.

Она старалась подальше убежать от поезда, к которому с жутким воем опять приближалась тройка вражеских самолетов, несколькими минутами ранее разбомбивших вагоны в начале состава.

Мельком глянув на надвигавшиеся со стороны утреннего солнца темные стремительные силуэты и оценив расстояние, Неонилла не стала вслед за всеми пытаться перебежать поле к видневшейся вдалеке рощице. На желтой пожухшей траве выжженного зноем поля они с внучкой в их темной одежде были бы слишком заметной мишенью. Поэтому женщина, пригнувшись, побежала влево, к гуще лесополосы, где можно было бы укрыться.

Внучка была легонькая, но Неонилле, ослабевшей после четырех голодных месяцев блокады и перенесенного тифа, было нелегко нести и ребенка, и чемодан. Но чемодан она бросить не могла – в нем, кроме еды, лежали вещи, оставшиеся после бесконечных обменов на продукты во время их долгого пути к ее мужу. Васенька еще в начале войны был эвакуирован вместе с заводом и давно ждал их в Моздоке.

Земля содрогнулась от взрывов бомб. Неонилла чуть не упала от первого резкого толчка, но удержавшись на ногах, подтянула вверх сползавшую внучку и побежала от поезда еще быстрее.

А взрывы гремели и гремели... Между ними были слышны пулеметные очереди, которыми фашистские летчики поливали бегущих по полю пассажиров поезда.

Добежав до первых кустов, Неонилла бросилась под один из них, стараясь прикрыть своим телом внучку, и краем глаза увидела, как сбоку, совсем рядом, взметнулись фонтанчики пыли, где с тупым стуком прошила землю цепочка пуль. Со стороны поля раздались крики – видимо, очередь зацепило кого-то из бегущих.

Неонилла инстинктивно заползла поглубже под куст и поджала ноги. Внучка покрывалась под боком, судорожно вцепившись в кофту на ее плечах, но не плакала. Женщина чувствовала, как исхудавшее тельце девочки жестко вжимается ей в грудь и живот всеми своими косточками.

– Ничего, Наточка, потерпи, детка! Бог милостив, глядишь, и не заметят нас с тобой здесь, пролетят мимо...

Она взглянула на лежавшую под ней внучку, а та, вытянув шею, живыми карими глазенками следила сквозь ветки из-за ее плеча за перемещением самолетов.

Самолеты, в очередной раз отбомбившись над поездом, пошли на разворот. Неонилла, подхватив Наточку, вновь побежала вдоль кустов, готовая в любой момент укрыться под ними. Она понимала, что от шальной пули кусты их не спасут, но иллюзия укрытия давала ей призрачную надежду, что если немцы их сверху не заметят, то смерть обойдет их с внучкой стороной.

– Господи, Боже Великий, Царю безначальный! Пошли, Господи, Архангела Твоего Михаила на помощь рабам Твоим Наталье и Неонилле. Защити, Архангеле, нас от всех враг, видимых и невидимых... – молилась на бегу Неонилла, стремясь убежать как можно дальше от творившегося за спиной смертоубийства.

Еще несколько раз самолеты заходили на уже растерзанный состав. Поле покрылось телами убитых, оброненными вещами, вывернутой взрывами землей, обломками деревянной обшивки разлетающихся под бомбами вагонов...

А потом вдруг наступила вязкая тишина, в которой стремительно стали исчезать все звуки... Через мгновение тишина поглотила последние отголоски двигателей улетевших самолетов и все вокруг словно застыло без движения. Только едкий черный дым клубами поднимался от горящих останков вагонов, медленно расползаясь вдоль железнодорожной насыпи.

Неонилла поднялась, отряхнула себя и внучку от земли и оглянулась на поле, усеянное неподвижно лежащими людьми. Поняв, что там уже некому помочь, Неонилла загородила собой поле, чтобы внучка не увидела окровавленные тела, и, взяв ее за руку, повела прочь.

В ушах еще стоял гул от взрывов, ноги были ватными, сердце бешено колотилось, но облегчение уже разливалось по всему телу: «Мы живы! Живы...»

– Слава тебе, Господи! – возблагодарила Бога Неонилла и перекрестилась.

Подумав, что железнодорожный путь гарантированно приведет их к следующей станции, она решила вернуться обратно к насыпи, но идти не по путям, а вниз, по ложбинке, тянувшейся параллельно насыпи, откуда, в случае опасности, можно было в любой момент скрыться в кустах лесополосы.

Дождей давно не было, трава высохла и слежалась, земля отвердела, и потому в ложбинке идти было легко.

* * *

Шли они так с внучкой несколько часов, время от времени останавливаясь передохнуть. Наточка держалась молодцом, не капризничала и на усталость не жаловалась, хотя была еще совсем кроха – всего-то четыре годика.

Солнце уже изрядно палило, и, несмотря на то, что шли они по затененной насыпью низинке, Неонилле было жарко и маечно, что уж говорить о ребенке! Поэтому женщине приходилось брать внучку на руки и нести, сколько хватало сил, чтобы та успевала передохнуть.

Когда солнце достигло зенита и стало уже невыносимо жарко, Неонилла решила, что пора переждать зной и поесть. Она достала из чемодана свою толстую вязаную кофту, постелила ее под ближайшим кустом, создававшим ажурную имитацию тени, и усадила на нее внучку.

В чемодане среди вещей были припасены фляжка с водой, буханка хлеба и квадратик сала, который ей удалось выменять на последней станции на свои парадные туфли.

Вытащив из плотного кожаного чехольчика скальпель, вывезенный из Ленинграда, Неонилла нарезала сало тоненькими, почти прозрачными пластинками и положила их на такие же тоненькие, гнущиеся в руках ломтики хлеба.

Скальпель ей достался от сына Владимира, учившегося на хирурга, а теперь воевавшего на Ленинградском фронте. Острое лезвие скальпеля не раз помогало ей в блокадном

Ленинграде разрезать липкий и вязкий, как глина, двадцатипятиграммовый суточный кусочек хлеба¹ на три слоя. Получив в магазине по карточкам их с внучками три хлебных нормы, она брела домой и там делила весь хлеб на девять тонких листиков, после чего брала себе и откладывала внучкам по одному «листику», с перерывом в четыре часа. Наточку она учила рассасывать солоноватый хлеб во рту до жидкой кашицы и сглатывать маленькими глоточками, потом запивая водой. А полугодовой Олечке сама распускала хлеб в воде, растирая комочки вилкой, и поила малышку получившейся мутной жижицей из бутылочки с соской.

Время от времени она ходила к Кузнечному рынку и обменивала там что-то из одежды или драгоценностей на куриное мясо, крупу и сахар, если повезет, а если нет, то на дуранду², олифу или столярный клей... На олифе можно было печь лепешки из дуранды, а из столярного клея получался вполне себе студень. Условия обмена были грабительскими, но что ей оставалось делать, если домашние припасы иссякли еще в первый месяц блокады... Ленинградцы до войны вообще не были запасливыми, да и зачем – ведь всегда можно было сходить в магазин и купить свежих продуктов на день. Эта беспечность и погубила многих. А, с другой стороны, где и как было хранить продукты? Домашние холодильники «ХТЗ#12», которые перед войной только начали выпускать в Харькове, были недостижимой роскошью. Сельских погребов с ледником в городе не устроишь, поэтому все предпочитали брать продукты в магазине, где они хранились в холодильных шкафах или в прилавках с холодильными машинами. В домашних условиях можно было сохранить только консервы и свои заготовки, соленья-варенья, а вот что-то из мясного или молочного сохранять удавалось разве что зимой, на морозе, сложив продукты в ящичек за окном или на балконе. Летом же старались готовить так, чтобы все было съедено за один раз, без остатка, который мог бы испортиться за день.

Неонилла правда умудрялась подольше сохранять сливочное масло, щи или суп в кастрюле, которую она ставила в ведро с холодной водой из-под крана. Но воду в ведре приходилось все время менять, так как в жаркие дни она быстро нагревалась, а супы после такого хранения, прежде чем подавать на стол, нужно было кипятить.

Ее муж, Василий Васильевич, любил, чтобы она готовила свежую еду к каждому приему пищи, хотя вовсе не был привередой.

Ей вспомнилось, как на заре их супружеской жизни, еще в Николаеве, откуда она было родом, придя как-то раз со службы, Васенька безропотно съел недоваренный фасолевый суп, который подала ему ее мама, пока Неонилла укладывала грудную дочку.

Не показывая вида, что суп ему не нравится, муж молча ел и только отодвигал ложкой на ободок тарелки сырые жесткие фасолины, которые невозможно было прожевать.

Когда ее мама увидела фасолины, выложенные полукругом по краю его тарелки, она с ехидцей спросила:

- Ну и что вы тут, голубчик, за композицию соорудили?
- Простите, Татьяна Яковлевна, но я не очень люблю фасоль, – мягко попытался объяснить Васенька, не желая обижать тещу упреком, что фасоль не доварена.
- Так это же ваша жена варила... Что ж вы не сказали ей, что не любите фасоль?

¹ В блокадном хлебе муки было чуть больше половины, остальное составляли практически несъедобные примеси. Так в сентябре 1941#го хлеб готовили еще из смеси ржаной, овсяной, ячменной, соевой и солодовой муки, но затем к этой смеси стали добавлять льняной и хлопковый жмых (отходы маслостойного производства – семечки, раздавленные вместе с кожурой), обойную пыль, мучную сметку, вытряски из мешков кукурузной и ржаной муки, а с 1942 года – и пищевую гидроцеллюлозу для придания дополнительного объема. Формы для выпечки за неимением нормального масла смазывали соляровым маслом, поэтому блокадный хлеб имел специфический запах – жмыха и машинного масла. – *Здесь и далее примечания автора.*

² В блокадном Ленинграде использовались свои термины для обозначения того, что можно было есть: *дуранда* – жмых из отработанных семечек; *хряпа* – верхние или нижние листья капусты, в мирное время не использовавшиеся в пищу.

– Ах, так это Нилочка готовила! – воскликнул тот и тут же сгреб выложенную фасоль обратно в суп, продолжив есть уже с бóльшим аппетитом, чем раньше...

Неонилла тогда, заслышав шум, прибежала на кухню, где мама гневно металась вокруг стола и выкрикивала: «Ах значит так! Значит, мою фасоль вы есть бы не стали, а если ее недоварила ваша жена, так вы со всем удовольствием! В таком случае извольте питаться отдельно! Я вас отселяю!»

Так и пришлось им переехать в небольшую квартирку в том же пятиквартирном доме, который принадлежал ее отцу. Бедный папа потом долгое время не мог примирить с зятем свою супругу, обладавшую страстным и непреклонным характером. Сказывались ее горячие греко-грузинские корни. Кроме того, будучи урожденной из адмиральской семьи Гридневых и женой известного в городе скульптора, она не могла свыкнуться с мезальянсом, когда ей пришлось отдать свою дочь за подпоручика из крестьян. То, что Василий при этом имел образование, служил судовым механиком на одном из кораблей и был настоящим красавцем – ее не утешало. Впрочем, о крестьянском происхождении своего мужа, Марко Павловича, выбившегося в люди благодаря незаурядному таланту и коммуникативному обаянию, она предпочитала тоже не вспоминать. Ее с ним смирало то, что ее муж был известным человеком в городе и пользовался большим авторитетом. Как она гордилась, когда в мае тысяча восемьсот девяносто третьего года на Второй ремесленной выставке, устроенной Николаем Васильевичем Копытовым, военным губернатором города Николаева, ее мужу был вручен Похвальный отзыв Императорского общества сельского хозяйства Южной России за скульптурную работу, а также подарены именные часы от самого императора, посетившего выставку с семьей! Впрочем, ей действительно было чем гордиться – муж тогда по заказу мыловаренного завода Ходжаша и Пампулова создал восхитившую всех посетителей выставки композицию из разного рода цветного мыла: окруженную решеткой резную колонну со стоящей наверху детской фигуркой, а в нише – бюст Пушкина под мрамор и тоже из мыла. И ничего, что после выставки мылозаводчики, сославшись на стесненность в средствах, отдали автору в счет гонорара его же произведение, и вся его многочисленная семья еще несколько лет им... мылась, в том числе и Пушкиным. Зато весть о скульпторе, сотворившем «мыльный шедевр», дошла до Петербурга и Москвы, куда его потом приглашали для участия в других ремесленных выставках. Это и позволило папе в тысяча девятьсот втором году открыть собственную мастерскую.

Объявление об открытии новой мастерской они составляли всей семьей. В конце бурного и веселого обсуждения родился такой текст:

«Сим имею честь довести до сведения моих гг. заказчиков, что мною вновь открыта мастерская скульптурных и позолотных работ, а также наливка зеркал и гравировка на мраморе. Лищу себя надеждою, что уважаемые мои заказчики, всегда довольные моими работами, и теперь почтят меня своими заказами. Мастерская моя открыта на Потемкинской улице, в собственном доме, № 68#и».

Мартовский номер газеты «Южная Россия» с этим объявлением, пусть и с орфографическими ошибками наборщика, был вклеен в альбом, который Неонилла перед отъездом в эвакуацию оставила у родственников вместе с другими вещами, в том числе и с памятными часами, врученными папе самим императором и хранимыми в семье как зеница ока.

К сожалению, отголоски неистового характера мамы Неонилла частенько замечала и в себе, но, слава Богу, Васенька с его бесконфликтностью и добрым любящим сердцем всегда находил способ снять возникавшую напряженность между ними. Он никогда с ней не ругался и не сердился на нее, даже если она выкидывала что-то сверхординарное.

Она улыбнулась, вспомнив, в какое неловкое положение поставила мужа на Выставке достижений народного хозяйства. Его тогда направили в Москву в командировку по службе, а она уговорила его взять ее с собой, чтобы по okazji вместе посетить знаменитую выставку.

Поскольку в молодости Неонилла страдала сильнейшей близорукостью, а женщины в очках ей не нравились – они казались ей мужеподобными – то она пользовалась только лорнетом, позволявшим ей читать или в необходимых случаях что-то разглядывать.

И вот там, на выставке, они шли с мужем мимо загона, где паслась, как ей показалось, замечательно крупная корова.

– Васенька, посмотри, какое роскошное вымя! – воскликнула она во всеуслышание, оживленно лорнируя объект восторга. – Представляешь, сколько эта корова должна давать молока! Давай спросим!

А Васенька, словом не обмолвившись, что перед ними на самом деле бык, а не корова, только тихонько тянул жену в сторону, при этом соглашаясь:

– Определенно замечательное вымя... Пойдем, пойдем, дорогая...

Она еще долго оборачивалась, лорнируя поразившую ее «корову», и не понимала, почему это люди вокруг так смеются.

Впоследствии, когда Васенька ей очень тактично пояснил, что предмет, вызвавший у нее такое восхищение, был «отнюдь не выменем», она поняла причину смеха окружающих и очень распереживалась, что так глупо себя вела. А Васенька, скрывая улыбку, попытался утешить ее, сказав, что ничего страшного не произошло и что любой, несведущий в зоологии человек мог бы также ошибиться. И в этом был весь Васенька – вместо того, чтобы посмеяться над женой, оказавшейся такой дурехой, что сослепу приняла быка за корову, он пытался приподнять ее в собственных глазах, оправдывая ее промах только тем, что она была «несведуща в зоологии».

Милый, добрый Васенька... Как давно это было... Словно век назад, в другой жизни!

* * *

Расположившись под кустом, они с Наточкой умело растягивали свою нехитрую еду, благодаря уже ввевшемуся блокадному навыку сдерживать себя, чтобы не съесть все в один присест.

Неонилла, медленно и тщательно пережевывая хлеб с салом, с содроганием вспоминала, как страшно выработывался этот блокадный навык, когда по карточкам постепенно стали выдавать все меньше и меньше хлеба.

Она никогда не забудет, как на серо-желтых картонках хлебных карточек, расчерченных на квадратики с числами месяца, постепенно убывала цифра суточной нормы...

Сначала, когда восемнадцатого июля сорок первого года впервые ввели хлебные карточки, на внучек и на нее, как на иждивенку мужа, выдавали по четыреста граммов хлеба в сутки. Но со второго сентября сократили эту норму до трехсот граммов.

А после того, как восьмого сентября вокруг Ленинграда сомкнулось блокадное кольцо и немцы впервые совершили массированный авианалет на город, норму еще убавили. И с двенадцатого сентября ей уже полагалось только двести пятьдесят граммов, но на детей оставили прежние триста граммов.

А потом было еще три и уже губительных урезания нормы... С них в городе и начался повоальный голод, убивающий людей десятками тысяч: с первого октября норма снизилась до двухсот граммов, с тринадцатого ноября – до ста пятидесяти граммов, а с двадцатого ноября – до фатальных ста двадцати пяти граммов, когда буханка делилась уже на семь чело-

век.³ Потом норму начали увеличивать, подняв ее с двадцать пятого декабря до двухсот граммов, а после и выше, но они этого уже не застали – ее с внучками в почти полумертвом состоянии эвакуировали из Ленинграда по Дороге жизни в ночь на двадцать седьмое декабря сорок первого года, вместе с другими членами семей сотрудников заводского конструкторского бюро, где работал ее муж.

Дорогу по замерзшему Ладожскому озеру Неонилла не запомнила, так как сидела в кузове, уткнувшись лицом в головки внучек, которых прижимала к себе, пытаясь укрыть от ледяного ветра. Мороз и так был под двадцать три градуса, а начавшаяся по пути пурга его еще и усугубила. Тента на машине не было из-за опасности попасть в полынью, когда пришлось бы быстро выскакать из кузова, чтобы не уйти вместе с машиной под лед. Неонилла понимала, что если такое случится, то вряд ли ей хватит времени и сил спастись самой и спасти обеих внучек. Про себя она решила, что случись с ними такое, она постарается вытолкнуть девочек из машины подальше на лед, а там их уже подберут уцелевшие. Но потом, подумав, что девочки без нее все равно пропадут, запретила себе думать о смерти и стала молиться о благополучном завершении пути. Молитва отвлекла ее от дурных мыслей и укрепила.

Когда после нескольких долгих и томительных часов они выехали на другой берег Ладоги, трех человек из их машины достали уже окоченевшими... Неонилла потом сама долго не могла согреться на теплой печке в домике, куда их подсадили перед дальнейшей дорогой.

Сердобольная хозяйка, помогая ей раздевать девочек, ахнула, увидев, как из заледеневшего на ветру вороха одежды, в которую Неонилла укутала их перед отъездом, выскользнули два истощенных тельца.

– Ох, несчастные вы мои... – запричитала было хозяйка, но потом, взяв себя в руки, захлопотала: – Давайте скорее сюда, на печку, под одеялко, а я вам сейчас молочка горячего сделаю.

Подсадив девочек на теплую печку и укутав их одеялом, хозяйка убежала на кухню и через несколько минут вынесла оттуда две кружки, от которых шел пар.

– Вот, развела в кипятке сгущенного молока, из старых запасов осталось. Пусть чуть подостынет, чтобы не ошпарились.

Она поставила кружки на стол.

Неонилла села на лавочку возле печки, и опершись спиной о теплую стенку, прикрыла глаза.

– Сейчас и вам принесу, – донесся до нее голос хозяйки.

Неонилла хотела ее остановить, но сил не осталось даже на то чтобы открыть глаза.

– Вам нужно согреться, а то всю ночь по такому холоду ехали! Не ровен час заболете... – беспокоилась хозяйка. – Ой, вы, я вижу, совсем сморились. Забирайтесь-ка тоже на печку и поспите, а я, если что, за девочками присмотрю.

Хозяйка помогла Неонилле встать и залезть на печку, где та сразу провалилась в тяжелый сон, даже не почувствовав, как хозяйка натянула на нее край одеяла, под которым лежали ее внучки.

Она не знала, сколько времени пробыла в сонном забытии, когда ее внезапно разбудил громкий крик Олечки. Вскочив и чуть не ударившись о низкую притолоку печки, Неонилла огляделась и увидела, что хозяйка носит на руках Олечку, пытаясь ее успокоить, но та кричит и выгибается, словно от боли.

³ Именно в этот период – с 20 ноября по 25 декабря 1941 года – умерла большая часть ленинградцев. Только в декабре 1941 года от голода умерло 52 880 ленинградцев, а всего за 872 дня блокады (с 8 сентября 1941 года по 27 января 1944 года) умерло по разным источникам от 641 803 до 1,5–2 миллионов человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.